

Восхождение к человеку

(Первые 6 частей не связаны с Переславлем. — *Ред.*)

7

Разрез ивановского торфяника с его пыльцевой диаграммой, прослойками регрессивных уровней и разложенными в них как на полочках археологическими комплексами дополнял и завершал картину, полученную когда-то мною во время раскопок на берегах Плещеева озера. Разные факты, собиравшиеся по крохам в течение многих лет, теперь сходились воедино, завязывались крепким узлом единой системы, в которой на первый план выступали уже не остатки человеческой деятельности, а силы, управляющие развитием биосферы. Человек оказывался лишь своеобразным индикатором происходивших процессов, вроде пыльцы полыни, сигнализирующей о сменах засушливых и влажных фаз голоцена.

В целом это выглядело следующим образом.

Первое серьёзное падение уровня водоёмов в древности приходится на первую половину VII тысячелетия до нашей эры, когда мезолитические охотники и рыболовы выходят на острова, суходолы, а на берегах озёр их стойбища оказываются на уровне современного зеркала воды. Это время сосновых и берёзовых лесов, открытых лесостепных пространств. Меньше чем через тысячу лет всё меняется. Теперь мезолитические слои занимают на озёрных террасах наивысшее положение из возможных, куда оттесняет человека поднявшийся уровень водоёма, а на болотах повсеместно откладывается тростниково-древесный торф. Во второй половине VI тысячелетия уровень вод начинает спадать, и в первой половине V тысячелетия стойбища охотников спускаются, по-видимому, даже ниже, чем во время предыдущей регрессии. Перелом в конце того же тысячелетия привёл к новому резкому обводнению, положившему начало слоям ольхового торфа и размыву остатков мезолитических стойбищ, занимавших современную прибрежную полосу водоёмов. Это одно из вероятных объяснений, почему археологи, работающие в средней полосе, не находят памятников этого периода ни на дюнах, ни на первой террасе озёр и рек, ни в отложениях торфяников.

В начале IV тысячелетия вода стояла ещё сравнительно высоко. Поэтому древнейшие слои сезонных стойбищ охотников, изготовлявших горшки с ямочно-гребенчатым узором, расположены не ниже второй озёрной террасы, в трёх метрах над современным уровнем озера. Однако очередной перелом, как можно видеть по пыльцевым диаграммам, уже наступил. Прорвав невидимый заслон, широколиственные породы занимают моренные холмы, тесня берёзу и сосну, ширятся пространства лугов, падает уровень водоёмов, а вместе с ним на первых террасах озёр и на суходолах болот возникают поселения пришельцев: охотников, рыболовов и огородников. Вскоре на открытых солнцу холмах появляются со своими стадами первые животноводы. Происходит всё это в самом начале III тысячелетия до нашей эры и охватывает около шестисот-семисот лет — время наиболее оживлённого движения племён не только в лесной зоне, но на всём пространстве Старого Света. Это время сложения новых культур, повсеместного распространения животноводства от Испании до Скандинавии и Урала, распространения земледелия в южных областях. На это время падает расцвет древнейших цивилизаций Востока в долинах великих рек — Инда, Тигра и Евфрата, Нила.

Однако вместе с тем можно наблюдать движение народов, как будто бы не находящее себе объяснения. Обычно крупные миграционные потоки текут или по просторам южных степей,

*Никитин, А. Л. Восхождение к человеку / А. Л. Никитин // *Новый мир*. — 1980. — Апрель. — С. 203—206.

или следуют направлению границ растительных и климатических зон, геологических районов, экологических провинций. В это же время археологи отмечают другое движение: от побережий в глубь континента. Для Западной Европы это переселение с берегов Северного моря и Атлантического побережья; для Восточной Прибалтики — движение племён с янтарными украшениями на восток и северо-восток; для Месопотамии — от побережья Персидского залива в горные области.

Резкое изменение условий наступает во второй половине III тысячелетия до нашей эры. Остатки поселений предшествующего времени, предстающие глазам археологов в результате раскопок, несут на себе следы каких-то внезапных катастроф — наводнений, высоких, сокрушительных паводков, «всемирных потопов». Это одинаково относится к городам Месопотамии, швейцарским свайным поселениям, болотным поселениям в Ярославской области, остаткам стойбищ на берегу Вёксы или свайным поселениям запада Псковской и Смоленской областей. Не эти ли наводнения, связанные с общим увлажнением, как можно видеть по исчезновению пыльцы полыни, росту торфяных слоёв, увеличению пыльцы ели, задержали дальнейшее распространение животноводства и земледелия, потеснив новое население этих мест к югу, в лесостепь, и возвратив в наши леса с севера потомков былых обитателей этих мест? Предположение не такое абсурдное, как может показаться на первый взгляд. На местах прежних сезонных стойбищ средней полосы в это время снова появляются черепки с ямочно-гребенчатым орнаментом.

с. 205

Медленный обратный ход возникает только с первой четверти II тысячелетия. Исследования последних лет установили, что пресловутый ксеротерм, приходящийся на II тысячелетие, был отнюдь не жарким. Сухим — да, но холодным. За счёт сухости и происходит дальнейшее расширение луговых пространств в лесной зоне, столь необходимых древним животноводам. Теперь в течение почти целого тысячелетия идёт непрерывное снижение уровня водоёмов, и места поселений с первой террасы сползают в нынешнюю пойму и ещё ниже. Резкая перемена наступает в середине I тысячелетия до нашей эры. Земледельцы и животноводы окончательно покидают озёрные берега, водоёмы заливают ранее осушенные пространства, наступают бурные весенние паводки, ели и берёзы поднимаются из лощин на холмы...

Строгая последовательность событий на этом месте обрывалась: кончался достоверный археологический материал, а верхние слои торфяников, в которых лежали необходимые свидетельства, обычно оказывались снесены при расчистке болота. Приходилось обращаться к другим источникам, письменным, обладавшим большим запасом достоверности, но требующим зато совершенно иного подхода. Подробное описание событий по годам, даже внутри года, разрушало общую картину выдвиганием на передний план множества несущественных деталей. Они не были «интегрированы» временем, как слои торфяников, в которых содержащаяся пыльца — итог столетий, усреднённый самой природой вековой результат. Но кое о чём можно было догадаться и здесь.

Рассматривая систему водных дорог древней Руси, находки средневековых вещей на местах древних свайных поселений, размытые слои домонгольского времени на Рождественском острове перед Ростовом Великим, приходишь к заключению, что время X—XIII веков, а может быть, и несколько позже, сходно с регрессивными периодами предшествующих эпох. Наоборот, вспоминая описания России, составленные в середине XVII века Павлом Алеппским, где на каждом шагу перед автором предстают бесчисленные болота, озёра и реки в степной и лесостепной зоне, весенние паводки застаиваются чуть ли не до осени, а зимы снежные и продолжительные, начинаешь думать: не описание ли это одного из трансгрессивных периодов? Что ж, в таком случае становилось понятным, как мог Пётр I, построивший на Плещеевом озере потешный флот, спустить по Вёксе во время половодья два самых больших корабля через Нерль в Волгу, чтобы ими положить начало Каспийской флотилии. Если допустить, что летний уровень Плещеева озера в то время достигал первой террасы, превышая современный почти на два метра, и ещё на метр поднимал его паводок, то спустить средней величины корабль с половинной командой, без груза, с осадкой до полутора метров в сопровождении шлюпок, плотов и бурлаков по такой воде особого труда не составляло.

Так неожиданно получил разрешение вопрос, казалось бы, сторонний и всё же занимавший меня многие годы. Вёксу, берущую начало из Плещеева озера, я знал хорошо — её берега, её фарватер; знал ямы и мели, потому что большую часть реки сплавал с маской и подводным ружьём, охотясь на язёй и щук, благо вода в те годы была идеально чистой и никому не приходило в голову надстраивать плотину в Усолье. Ямы на Вёксе были глубокие, и сейчас я думаю, что они могли остаться от прежнего, более глубокого русла, подобно тому как яма Плещеева

озера осталась от ложа когда-то бывшего здесь мощного и бурного ледникового потока. Но вместе с тем я видел, как на глазах река мелела, и меньше чем за четверть века паводки, поднимавшиеся до первой террасы, теперь редко-редко выплёскиваются на пойму.

Со времени Петра I и его потешной флотилии прошло без малого триста лет. Могли те паводки превышать нынешние на два—два с половиной метра? Надеяться, что в те времена кто-либо исполнял должность работника бассейновой инспекции и измерял уровень воды в озере каждый день, не приходилось. И всё же нужные сведения стоило поискать, в этом убеждал меня опыт историка.

Плещеево озеро занимает исключительное положение — и в отечественной науке и в нашей русской истории. Ни озеро Ильмень, ни ростовское озеро Неро, ни вышневолоцкие озёра, ни даже озёра Белое и Кубенское не пользовались столь пристальным вниманием московских властей на протяжении всей истории русского государства, как Плещеево озеро. Причин было много — политических, эстетических, торговых. Но главной была гастрономическая: в Плещеевом озере до последнего времени водился — сейчас он под угрозой гибели — особенный вид ряпушки, известный как переславская селёdochка. Ряпушка принадлежит к семейству сиговых, и вкус её, особенно переславской, ни с чем не сравним, всё равно — в жареном, солёном, копчёном или вяленом виде. Вот почему Плещеево озеро и Рыбачья слобода в Переславле-Залесском искони подлежали надзору Большого Кремлёвского дворца. Пользуясь льготами и привилегиями, закреплёнными царскими грамотами и указами, переславские рыбаки постав-

с. 206

ляли в Кремль, сначала к великокняжескому, а потом к царскому столу, различную рыбу, но в первую очередь ряпушку. Лов её был регламентирован не только сезоном, но и поштучным приёмом для дворцовой кухни.

Справедливости ради следует отметить, что наряду со специальным отловом для Москвы, местного начальства, духовенства «к случаю» в те времена рыбакам разрешалось ловить определённое количество ряпушки и для собственных надобностей — для еды и продажи с торга.

За всем тем «царской рыбе» вёлся строгий учёт. Потому и само озеро и тоневые участки у его берегов были точно обмерены и описаны в переписных книгах. Так благодаря работе царских землемеров и писцов, при содействии переславских краеведов, собиравших различные статистические данные о своём крае, я узнал, что в 1675—1676 годах площадь Плещеева озера оценивалась в 6 680 десятин 1 410 сажен. В пересчёте на метрическую систему мер, которой мы пользуемся теперь, это составляет 72 986 квадратных километра. Через двести сорок пять лет основатель переславль-залесского музея М. И. Смирнов произвёл новые обмеры озера и получил 4 606 десятин, или 50 326 квадратных километра, обнаружив, что площадь озера сократилась в полтора раза по сравнению с серединой XVII века. Насколько мне известно, к началу 70-х годов нашего века площадь озера сократилась ещё на одну пятую, составив всего около сорока квадратных километров. Вода отступала от берега всё дальше и дальше, оставляя за собой новый уступ зарастающей поймы...

Так всё сходилось — предположения и расчёты.

Судя по археологическим датировкам, смена регрессивных и трансгрессивных периодов на протяжении всего голоцена происходила с периодичностью от полутора до двух тысяч лет. Иными словами, здесь действовала не случайность, а закономерность. Вероятно, можно было получить более точные цифры, но для этого нужны были уже специальные, длительные и дорогостоящие исследования, в которых собственно археология отступала на второй план.

На этом я мог поставить точку. Мне удалось выяснить действительные причины, определившие скачкообразное развитие биосферы в голоцене, прийти к заключению, что каждый раз действовали одни и те же силы, а не случайные стечения обстоятельств, и, кроме того, обнаружить несколько полезных для археолога закономерностей.

Но тут снова на помощь пришёл случай.

(Продолжение в следующем номере не связано с Переславлем. — *Ред.*)